

УДК 821.161.1.09«19»
ББК 83.3(2=Рус)5

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПУТЕВЫХ ОЧЕРКОВ В.В. РОЗАНОВА

Н.Н. Нартыев

Рассматриваются путевые очерки В.В. Розанова сквозь призму религиозно-философских исканий писателя. Подчеркивается умение Розанова-очеркиста уловить и осмыслить сущностное, бытийное в быстро изменяющейся картине жизни.

Ключевые слова: *путевой очерк, самобытность, религиозность, дуализм, метафизика.*

Полное собрание путевых очерков В.В. Розанова «Иная земля, иное небо...» (М., 1994) предваряют два эпиграфа, аккумулирующие смысл и пафос жанра «путевой очерк». Первый из них взят у А.С. Пушкина: «Путешествия мне нужны нравственно и физически». Второй принадлежит Василию Васильевичу Розанову: «Двигаться хорошо с запасом большой тишины в душе: например, путешествовать. Тогда все кажется ярко, осмысленно, все укладывается в хороший результат.

Но и “сидеть на месте” хорошо с запасом большого движения в душе. Кант всю жизнь сидел: но у него было в душе столько движения, что от “сидения” его двинулись миры».

Как видим, путешествия для писателя-мыслителя В.В. Розанова не самоцель – скорее, они дают возможность уловить и осмыслить моменты сущностного, бытийного в стремительно изменяющейся картине жизни. Именно в очерке – «определяющем жанре писателя» (А.Н. Николюкин) – наиболее ярко и самобытно выразились его думы и чаяния. «Один из первых русских писателей, человек, награжденный большим писательским дарованием и чисто художественным прозрением, блестящий литературный талант, создавший почти новый вид художественно-конкретной публицистики, в которой мысль, философская или политическая, всецело сливалась с образами действительности, и исторической, и по-

вседневной» [7, с. 80], – писал о Розанове П.Б. Струве. Отмеченные особенности обнаруживают себя едва ли не в каждом его путевом очерке.

В кратком предисловии к указанному изданию В.Г. Сукач поясняет: «Из всех статей Розанова эти очерки выделяются особым авторским настроением и этим легко объединяются в сборник, который мы назвали “Иная земля, иное небо...”». Думается, это заглавие выражает розановское мироощущение как *своего – чужого*. Внимательный читатель Розанова часто встречает это разделение – в самых разных оттенках мысли, чувства, психологии и позиции автора. Все должно быть в отдельности, сказал бы Розанов, каждому – свое» [6, с. 1]¹. По справедливому замечанию исследователя, «путевые впечатления Розанова отличаются непосредственным восприятием русской и инородной жизни». Читателей покоряли «свежая впечатлительность» и талант писателя, «свободная душа путешественника», обволакивавшая «чужие алтари» и не забывавшая «родных пенат».

В очерки, условно названные нами «русскими», входят следующие «циклы»: «Кавказские впечатления (поездка 1898 года)», «По тихим обителям», «Русский Нил», «Кавказские впечатления (вторая поездка)», «Киев и киевляне» и др.

«Кавказские впечатления (поездка 1898 года)» составляют два очерка: «Около болящих» и «С юга». В первом речь идет о больных людях, болезни которых «заставля-

ют» Розанова говорить о немощности их духа, о «наказании» их тела Господом. «Все и всё – от Бога», – такова центральная мысль очерка. Розанов пишет: «Без веры – нельзя жить; без веры в чудо не прожил бы человек; без Бога – он не прожил бы» (с. 3). Телесное, душевное, духовное для автора очерка тесно взаимосвязаны: «Чудо, Бог, вера – всё тут».

Первая поездка Розанова на Кавказ состоялась 1 июня 1898 года, и вызвана она была нездоровьем жены. Розанова, находящегося «около болящих» (тем более, когда один из больных – родной человек), беспокоят «глубинные» вопросы человеческого бытия: что есть здоровье и нездоровье, что такое жизнь и смерть и т. д. Любопытно, что такой религиозный человек, как Розанов (правда, он не был «ортодоксом» веры), переживает в душе «какие-то колебания, не сомнения, но недоумения религиозные» (с. 4). Связано это, как уже отмечалось, с конкретной ситуацией, в которой он оказался. Но «проклятые» вопросы всегда, всю жизнь были для него самыми важными.

Свидетельством «религиозных недоумений» стало, в частности, то, что «среди поразительнейших зрелищ бессилия медицины» автор «стал и захотел верить в безграничный ее прогресс»; он признается, что поверил «в искания “философского камня” и “жизненного эликсира”». Розанов – человек, крепко привязанный к жизни земной, человеческой, поэтому логика его проста: если «жизненный эликсир» как результат достижений медицинской науки столь необходим, то он непременно будет.

С опорой на религиозную мифологию (причудливо переплетающуюся с верой в научный прогресс) Розанов выводит некий «закон» жизни-смерти человека: «Болезнь есть начало смерти – и смерть существует; но и исцеление есть начало жизни – и, значит, жизнь существует не как миг, не как 10 %, но как 100 %, как вечность. Всякая дуга имеет для себя полный круг – это-то и есть идея “жизненного эликсира”, философского камня» (с. 5).

В какой-то момент автор-герой очерка начинает осознавать, что с верой «в нескончаемость науки» религиозная вера в нем «остановилась в каком-то недоумении». Его сознание пронзает острое ощущение «великого бессилия ума», «великого сиротства человечества...». И начинается «обратный процесс»,

своего рода «реабилитация веры»: «И между тем – сердце вздымается в тиши ночной; есть молитва, и, значит, есть религия. Я не о ней говорю; я говорю о “словах, словах, словах”, которые построены на тончайшем благородстве сердца человеческого, которое и скорбя – не ропщет, и безнадежное – еще утешается; сирота – и сиротливо, переворачиваясь с одного болящего бока на другой, болящий же что-то шепчет и в тиши ночной обращает глаза к образу, к зажженной лампаде...

– Вы ропщете?..

– Нет, Бог не велел роптать...» (с. 7).

Значит, все-таки существуют «две абсолютные правды»: есть страдание и смерть, но есть и «правда смерти и страдания, то есть красота умирания, красота болезни». Думается, правы те исследователи, кто полагает, что в конце 1890-х годов в творчестве В. Розанова оригинально (и по-своему органично) переплетаются религиозные и декадентские мотивы. Сознание Розанова – писателя и человека – характерно означено идеей всеобщей (всего и вся) полярности и амбивалентности.

Показательна в этом смысле рекомендация-совет одного из лучших современных розанововедов, убежденного в том, что «только принимая во внимание подобное “своеобразие” антиномического мышления В.В. Розанова, его экзистенциалистский протеизм, который был совершенно неприемлем для многих современников, можно приступить к чтению и осмыслению его книг и статей» [3, с. 12]. Причем даже в обращениях к текущей жизни Розанов «неизменно оставался... по-этом-философом, умевшим совладать с будничными темами и проблемами, которые под его пером как-то легко теряли свой мелкий, “пустяковый” характер, превращались в материал для размышления о вековых дилеммах бытия» [4, с. 39].

Большинству его современников (с образованием и эстетическим чутьем) эти особенности писателя «нетрадиционного мышления» были хорошо известны и понятны. О «розановской исключительности» проницательно писала З. Гиппиус: «...он был до такой степени не в ряду других людей, до такой степени стоял не между ними, а около них, что его скорее можно назвать “явлением”, нежели “человеком”» [2, с. 88]. Чрезвычайно высоко

оценил Розанова Н. Бердяев: «Литературный дар его был изумителен, самый большой дар в русской прозе. Это настоящая магия слова» [1, с. 254].

В сходных выражениях о Розанове писали многие представители интеллектуально-художественной элиты России начала XX столетия: Д. Мережковский, Вяч. Иванов, В. Брюсов, Андрей Белый, А. Чехов, М. Горький, П. Флоренский, С. Франк, М. Гершензон, Л. Шестов и др.

Особую роль и место в истории отечественной культуры Розанову отводил Михаил Михайлович Бахтин. По свидетельству П. Палиевского, «...М.М. Бахтин, отвечая на восхищение заново открывших его молодых людей, заговорил: читайте Розанова» [5, с. 5].

Однако вернемся к предмету нашего разговора.

Очерк «С Юга» состоит из трех частей, объединяет которые «кавказская тема».

В первой части Розанов затрагивает актуальную проблему соотношения центра и окраин, причем современное состояние дел (в этой области) его категорически не устраивает. Автор очерка совершает исторический экскурс, вспоминает историю «восхождения русской силы» и приходит к выводу, что «“обрусять”, то есть сливать с собой до неразличимости, умели Киев и Москва, и решительно этого не умеет Петербург»; имперский Петербург определенно, на взгляд писателя, «по безличности своей – вообще не имеет в себе ассимилирующих, сливающих, уподобляющих сил» (с. 11–12).

Розанова заботит то, что «внутреннее ядро России гибнет, худает, а окраины – воскресают», что является результатом неправильной «окраинной политики». Лучшие «плоды всероссийского таланта и значения» направляются на окраины, а в центре администрацию представляют «инвалиды ума и воли». Важно отметить, что Розанов, руководствуясь патриотическими чувствами, отчетливо осознает, что «Россия не на день должна быть крепка, а на века и даже – подавай Бог – на тысячелетия. Сейчас можно успеть силою и вероломством; но века жить, но тысячелетия стоять можно только правдою» (с. 16). Не стоит и говорить, насколько злободневны такие рассуждения писателя.

Вторая часть очерка «С Юга» сообщает о комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова. Для Розанова внешнее событие – лишь повод поразмышлять о самых насущных вопросах, связанных с прошлой и современной историей России, с вероятностным и (не)желательным будущим... И именно комедия Грибоедова, само ее содержание и звучание становятся ярким подтверждением отсутствия лада в русской жизни.

Розанов не был бы самим собой, если бы ему действительно все нравилось у Грибоедова. Главный изъян пьесы видится в том, что сущность «ума» комедии Грибоедова заключается не только в «безвнимательности» к этой «земле», но и в непостижении в ней ничего значительного.

Лишь «с Пушкина, но в особенности с 50-х годов и по сей час, вся русская литература пошла существенно по другому руслу: пробудилось уважение именно к быту, так-таки и “не доросшему” до поставленных литераторами лет, – к быту, каков он есть, – к обществу в его историческом сложении» (с. 29). Объективно в очерке раскрываются скорее сущностные черты миропонимания самого Розанова, нежели особенности грибоедовского шедевра.

Взгляд Розанова в большой степени интроспективный: это взгляд не туриста, а философа, когда увиденное становится лишь отправной точкой для «разговора о вечном»: «Повторяю, все это изменяется, когда вы втягиваетесь в горы и начинаете с них смотреть вниз. Но я упомяну о том, что уже ранее поражает вас необыкновенною красотой и сразу делает для вас Кавказ волшебным-прекрасным, с чем никогда бы не расстался: это – горные речки. Их «вечный шум – это какая-то вечная жизнь. Единственная музыка, которую не хочешь остановить, потому что знаешь, что она никому не причиняет усталости» (с. 31).

Любование красотами Кавказа – необходимая и естественная реакция на увиденное чудо природы, но не более. Главным в очерке являются размышления с типично розановскими вопросами: человек и природа, человек и государство, жизнь человека, самое значимое в ней.

Размышляя о взаимоотношениях «государства» и «культуры», Розанов прибегает к

замечательной в своей емкой красочности «формуле»: «“Казна” [государство] кружев не плетет, а растит лен, из коего все кружева». И делает вывод: государство «совершенно гармонирует с поэзией ли, с философией ли, как только не впутывается в их область» (с. 37). Более того, необходимо осознать, что «в грубо общей сфере своей государство всегда право, всегда свято – и его гауптвахта столь же непререкаема для обывателя, как и для самого государства должны быть непререкаемы, некасаемы обожаемые красоты “Героя нашего времени” или выводы “Космоса”» (с. 38). Бесспорный и недостижимый (пока) в реальной жизни тезис...

Очерк «По тихим обителям» (1904) написан «по следам» посещения В. Розановым г. Сарова [«по желанию Варвары Дмитриевны с целью укрепить здоровье 9-летней дочери Татьяны в благодатных местах преп. Серафима» (с. 672)].

Открывают очерк «технические» подробности поездки в Саров – к «угоднику», от которого все страждущие по обыкновению ждут чуда исцеления или хотя бы какой-то помощи. Не каждому современному читателю они (эти подробности) интересны, но они содержат определенную информацию о людях и присущих им нравах. От указания на бытовые черты посещенного Сарова (любого другого «святого места») Розанов переходит к осмыслению роли монастырей в русской духовной жизни. «Не Церковь родила монастырь, – заявляет он, – а монастыри родили Церковь, – родили ее строй и дух, одежду и замыслы. Монастыри – это те первоначальные островки среди языческого древнего океана, которые, спаявшись, и образовали собою потом материк Церкви» (с. 241).

Для Розанова – человека консервативных взглядов (уточним, консерватизм – сознательная и принципиальная позиция, заключающаяся в предпочтении традиционных ценностей нации) – Церковь и государство были и есть едины: «монастыри всегда были друзьями сильной власти, полной покорности; но друзьями не из боязни, не по политиканству, не по земным и утилитарным или временным соображениям, а по настоящему, глубокому, непоколебимому убеждению» (там же).

Особое внимание автор очерка уделяет такому явлению русской духовной жизни, как пустынножителство: «Я в первый раз видел пустынь; и как вообще я ни чужд идей монастыря и всего монашеского духа, я был очарован виденным; очарован, восхищен, – и воображение мое закружилось идеями, совершенно противоположными тем, к каким я привык» (с. 243). Нельзя не согласиться со следующим умозаключением Розанова: «Как монастырь не может не соединиться с понятием «братии», так старчество и старцев нельзя представить многих вместе. Таким образом, хотя старчество ютится около монастырей и сами старцы состоят в чине монахов и иеромонахов, однако они являют в себе незаметный и тихий, но вместе могущественный и очевидно победный вид антагонизма с монастырем, как уставом и формой, – преобразование и форм и духа его» (с. 262).

Розанова вообще более всего заботит не «буква», а «дух» православия; последнее он обнаруживает в монашестве. Здесь, конечно, сказалась принадлежность писателя-мыслителя к так называемому новому религиозному сознанию, которое противопоставлялось его адептами «исторической Церкви». Так, Розанов пишет: «В монашестве христианство получило себе стиль, то есть получило тот “вкус”, который управляет бесчисленными подробностями религиозного выражения. Это важнее догмата, это неизмеримо его важнее! Догмат есть мысль, знание, ведение, а религия, во всяком случае, не ведение, а биение сердца, скорбящего, умиленного или переживающего еще тысячи чувств! Она вечна в человеке. Всякий человек, почти всякий, есть центр крошечной религии, особенной, таинственной, своей: и только оттого, что вообще люди не несходны, что они сцепляются в массы, эти крошечные религии сливаются в одну, большую» (с. 247–248).

По Розанову, религия – «вечный спутник человека на земле», «ковчег души его». Трудно совместить «монастырь» и «мир». Для этого «нужно страшное сужение природы человека, страшный и вечный зарок ее перед потребностями развития, просто – *роста*, чтобы она могла войти в монастырь» (с. 249). Человек без религии не более чем «первоначальный дичок природы»; душа человечес-

кая – «язычница». Наблюдая за простым народом, жившим вокруг Саровского монастыря, Розанов приходит к выводу, что «мужик наш не лежебока. Но он решительно сбит с ног: 1) малостью земли, 2) отсутствием верных и обильных поблизости заработков». Что же делать в таком случае? «Раньше грамоты, раньше даже веры надо спасти физиологическую суть народа. Надо положить или хоть не выбирать рубль из его кошелька – и уже затем его стричь, чесать, учить, даже “креститься” учить! Раньше всего надо “быть”» (с. 255). Полностью разделяя известную формулу «православие – народ – самодержавие», Розанов от последнего требует более внимательного и бережного отношения к главному, что делает Россию самобытной.

Весь очерк – это цепь своеобразных сопоставлений и противопоставлений: религии и мира, монастыря и пустыни, «буквы» и «духа» христианства, женщины и мужчины. Вот еще два характерных фрагмента. «Культуру в ее подробностях, в мелочном и изящном, в ее удобном и поэтическом, – утверждает Розанов, – делают женщины. Они разрабатывают *жизнь* в *быт*, биологический клубок развертывают в нить и плетут из него кружево. Но “образователь земли”, образователь планет, новых миров – всегда *Он*, а не *она*, всегда “Бог”, который в филологии всех народов, всех языков и мифов, остается мужского рода» (с. 271). Или еще более необычное, «неприглаженное» наблюдение: «Прямо за стенами монастыря, как началось шлепанье грязи, овраги и пригорки, сразу входишь во всю реальность бытия. Это что-то совсем иное. Все познается через противоположности, и, можно сказать, не побывав в отрицании жизни, – не вкусил бы так остро самой жизни. Запах дегтя от колес волновал меня теперь не менее “благоуветливого” вида монахинь. И ямщик, как повернул домой, развеселился же» (с. 277). Кому из живущих в России не ведомы эти «противоположности», но и они в определенном смысле «родные», свои...

«Русский Нил» (1907) – один из наиболее значимых в серии «русских» очерков. Это самый большой по объему и, пожалуй, самый известный путевой очерк Розанова. Кстати, опубликован он был под псевдонимом «В. Варварин». Примечательно начало

очерка: «“Русским Нилом” мне хочется назвать нашу Волгу. Что такое Нил – не в географическом и физическом своем значении, а в том другом и более глубоком, какое ему придал живший по берегам его человек? “Великая, священная река”, подобно тому как мы говорим “святая Русь”, в применении тоже к физическому очерку страны и народа. Нил, однако, звался “священным” не за одни священные предания, связанные с ним и приуроченные к городам, расположенным на нем, а за это огромное тело своих вод, периодически выступавших из берегов и оплодотворявших всю страну. Но и Волга наша издревле получила прозвание “кормилицы”. “Кормилица-Волга”... Кроме этого названия она носит и еще более священное – матери: “матушка-Волга”... Так почувствовал ее народ в отношении к своему собирательному, множественному, умирающему и рождающемуся существу» (с. 331).

Почему же народ дал реке такое ласковое название? Розанов поясняет: «И “матушка” она, и “кормилица” она потому, что открыла для человеческого труда неизмеримое поприще, все двинув собою, и как-то благородно двинув, мягко, неторопливо, непринужденно, неповелительно. В этом ее колорит» (с. 332). По характеру реки, поэтически тонко указывает писатель, можно судить об особенностях менталитета русского народа.

Погружаясь в историю, Розанов осмысливает уникальность египетской цивилизации, с которой и рядом нельзя поставить древние европейские (и не только) цивилизации: «Великий интерес к Египту проистек у меня из удивления к такому подъему в нем жизненной энергии, сочных, ярких сил, какого, я твердо знал, никогда не существовало ни в Греции, ни в Риме, ни у евреев» (с. 333). Для религиозного мыслителя очевидно, что «родник жизни всякого народа лежит в его отношениях к трансцендентному миру, в его понятиях о Боге, о душе, о совести, о жизни здесь и судьбе души после смерти».

Автор «Русского Нила» вспоминает свое детство, прошедшее на Волге. Костромская жизнь запомнилась ему беспрерывно идущим дождем... Дело, конечно, не в самом дожде, а в невозможности из-за этого чувствовать себя «свободным», гулять, играть и т. д. Когда ге-

рой М. Пруста вспоминает бисквитное печенье, столь любимое им в детстве, то в его памяти, в душе оживает счастливое детство. У Розанова, как известно, детство было трудным. Но спустя годы он, известный уже литератор, тоже жаждет окунуться в прошлое – проплыть по Волге. Ведь воспринимается эта великая река не как «водная артерия», а как нечто корневое, основное, исконно русское, как то, что противостоит «заемной» цивилизации. Совсем не случайно Розанов пишет, что, как только он сел на пароход, ему показалось, что он «не только никогда не жил в Петербурге», но «никогда не был и писателем», до того увиденный «волжский мир» увлекает, «не дает пробудиться ничему из прежнего». «Натуральный, естественный мир» Волги противопоставляется «иллюзионной» городской жизни: «И все на Волге, и сама Волга точно не движется: не суетится, а только “дышит”, ровным, хорошим, вековым дыханием. Вот это-то вековое ее дыхание, ровное, сильное, не нервное, и успокаивает» (с. 340).

От внимательного писательского глаза не ускользает ни одна мелочь. Розанов осуществляет небезынтересный «технологический» разбор парохода: что и как на нем работает и т. п. Приводится один любопытный случай, происшедший с писателем: он попробовал запереть окно, но из-за «непригнанных» деталей не смог этого сделать. Мелочь, конечно, но Розанов пронизательно усматривает в этой привычной для каждого русского человека небрежности «целую метафизику народного характера».

Есть у Розанова все основания посетовать и по «культурному вопросу»: в библиотеке парохода нет ни одной книги о Волге, но зато есть «Рим» Э. Золя. Подобные свидетельства «русской молодой бескультурности» встречаются на каждом шагу: «нет даже карты Российской империи, по которой бы можно было следить пассажирам, где они будут, к какому городу пристанут в ближайший час, какая река впадает в Волгу в этом-то месте и проч.!» (с. 344).

Подлинный патриотизм не отменяет критику того, что любишь. Розанов в своих субъективных размышлениях и наблюдениях удивительно точен и неліцеприятно глубок: ох уж «эта ужасная русская пассивность, по ко-

торой мы оживляемся только тогда, если приходится хоронить кого-нибудь. Тогда мы надеваем ризы, поем, кадим. Великолепно! Красота, поэзия, движение – точно все обрадовались. Но вот похоронили мертвого, остались люди жить.

И всем так скучно, так сонно!

Удивительная нация, которой “интересно” только умирать!» (с. 346).

Это заострение проблемы, скажет иной «русопоят», но чутко внимающий писателю и в здравом уме пребывающий – согласится.

Розанову, противнику всего казенно-имперского, очень нравятся малые русские города, а в них – небольшие православные храмы. «Почему храм должен быть величествен, огромен, изящен, пропорционален, «Парфенон» или «Пропилеи»?!» – резонно недоумевает он. – Храм должен быть просто храм, то есть чтобы вот молиться Богу. Должно быть, в русской душе есть что-то бесконечно прекрасное в отношении ее к Богу, милое, простое, доброе, что она создала такие для себя храмы, создала медленным тысячелетним созданием. Уверен, в Греции таких нет. И нигде нет» (с. 348).

Святая Русь славится не только храмами, но и служителями. Так, в Ярославле писатель захотел «отслужить панихиду по недавно почившем архиепископе Ионафане – человеку добром, простым, чрезвычайно деятельном, но деятельном без торопливости и ажитации» (с. 352). Это был «отец», для которого главным делом являлась «забота о людях и устройство надобностей епархии».

Посетив один из таких храмов, Розанов удивляется встреченному слепому монаху, который не только звонарь, но еще и умелый ремесленник (часовщик). Слушая пояснение монаха о системе звона, религиозный мыслитель сопоставляет в этом аспекте православную и католическую церковь: «Наблюдали ли вы, что по звонам, например, различаются католическая и наша церковь? В католической церкви колокольный звон – точно мяуканье кошки. Так вкус выбран. Что-то крадущееся и стелющееся, “иезуитское”. У нас звон – точно телка бредет. Басок, тенорок и дискант – все в согласии. “Хоровое начало” славянофилов? Не знаю» (с. 355). Согласитесь, что перед нами не только необычное, но

и точное (не буквально в музыкальном аспекте) восприятие, ощущение двух типов колокольного звона.

Между тем плавание по Волге продолжается. И на каждом отрезке пути у автора очерка возникают свои ассоциации, исторические параллели, сводящиеся, в сущности, к размышлениям на одну тему: что есть Россия? Так, после Нижнего меняется не только природный ландшафт, но «раскрывается» ее многонациональный характер: «На Волге в самом деле сливаются Великороссия, славянщина с обширным мусульманско-монгольским миром, который здесь начинается, уходя средоточиями своими в далекую Азию» (с. 359). Это «другой самостоятельный “столп мира”, как Европа и христианство». В Казани «знакомство» с этим совершенно *другим* «столпом мира» состоялось: «Дюжий, здоровый народ. Во что оценить только одно, что из десятков и сотен миллионов от Казани до Бухары и Каира нет из ихнего народа ни одного пьяницы» (с. 360). Преувеличение, конечно, но и факт.

Следующий «пункт назначения» – «нагорный Симбирск». Автор признается, что «не надеялся когда-нибудь его увидеть», поскольку он «не странствователь, а домосед» (с. 361–362). На волне воспоминаний он погружается в свое ученическое прошлое: первая пережитая несправедливость, недоумение и обида по этому поводу. Спустя десятилетия Розанов уже хорошо знает, в чем причины всех «огрехов» российского образования. Эти причины – формализм и равнодушие. В результате: «Робкая, смиренная, недалекая, ленивая душа этих учеников, смесь сатиры и идиллии, снизу вверх с необозримым страхом взирала на эту как бы железную крышу всяческих “властей”, домашних и городских, семейных и государственных, и, подавленная, только думала об исполнении. Исполнение – оно скучно, сухо. Это “учеба уроков” и хорошее “поведение”» (с. 371).

Но, к счастью, человек способен к саморазвитию. «Вот отчего в зрелые свои 50 лет, – заявляет Розанов, – я не скажу, что никакая “система образования”, классическая или реальная, никакой лицей или гимназия, – не дали бы нам большего и, главное, лучшего, чем это “саморазвитие”, в какое мы и целая симбирская гимназия тех лет бросались, как странствующие Робинзоны» (с. 379).

Посещение Симбирска – это не только производимый мысленный экскурс в прошлое, но и «физическое» узнавание места, в котором некогда жил и которому, точно отмечает Розанов, присущ особый, неповторимый воздух: «Вдруг я почувствовал, что узнал одно:

– Воздух!

Да, этот самый, *индивидуально* этот, “в частности” этот. Читателю странно покажется, как я мог узнать воздух, которым не дышал 35 лет. Но когда, сперва как-то смутно ощутив, что я чувствую вокруг себя что-то знакомое, уже когда-то ощущавшееся, и не зрительно, а иначе, я остановился и с радостью стал спрашивать себя, “что это такое”, то я уже и сознательно почувствовал, что кожа моя, и рот, и ноздри – все существо наполнено и обвеяно вот этим “симбирским воздухом”, совершенно не таким, каков он в Костроме, Нижнем, Москве, в Орловской губернии и Петербурге, где я жил раньше и потом» (с. 383).

Путешествующего на пароходе волнуют, естественно, не только города и веси, но и люди, не обязательно живущие на берегах Волги. Розанов затрагивает, кажется, самый древний, но не столь, хочется верить, уже актуальный «еврейский вопрос». Вспоминаются еврейские погромы, которые начались еще в начале 80-х годов (XIX века), когда Розанов «кончал курс в университете». Автор очерка как бы предвидел, к чему может привести «родовая» ненависть к «другому», к инородцам. Вообще «родовое» – признак отсутствия уникального своеобразия индивидуума, а где серость, там и преступления, те или иные: «Есть родовой, фамильный аристократизм, и едва ли он симпатичен кому-нибудь: человек кичится “заслугами предков”, сам не имея никаких заслуг или даже будучи отрицательной величиной. Насколько же ужаснее родовое, историческое ненавидение, бросающее камень в голову не того, кто виновен, но кто “черен и курчав”, кто “еврей”, – хотя бы лично он был уже нам и дружелюбен, и полезен» (с. 387–388).

Как известно, у Розанова были «свои», особые отношения с «еврейством». Заключались они в его симпатиях к их глубокой приверженности семейным ценностям, к тому, что в России стремительно умалывается. Между русскими и евреями, считает писатель, дол-

жны заключаться браки: «Я думаю, от смешения этих двух кровей произойдет гениальное... Но, как и всегда в супружестве, связь должна быть обоюдосторонняя: мы, русские, должны многое взять у евреев, например их семейное целомудрие, верность, их половую чистоту, доведенную до шепетильности... Посмотрите наши нравы, семейные и вне семьи. Это что-то ужасное. Но немногие догадываются, что нравы эти проистекли не из расшатанности индивидуальной, личной – напротив, личность расшаталась под действием совершенно нелепых, неумных и неуклюжих законов наших о браке» (с. 391).

Много мест посетил Розанов в своем путешествии, многих людей повстречал в пути, много вековых и современных вопросов затронул в своем очерке. А завершил писатель путешествие по «русскому Нилу» в Саратове. В Радищевском музее, в устройстве которого Розанов усмотрел много несуразного, было обнаружено письмо Гоголя к о. Матвею – духовнику писателя, этому «Мефистофелю Гоголя». «Печальная и страшная история», одна из тех, что случаются и по сей день. А случаются они, полагает Розанов, по следующей причине: отцы Матвеи – цельны, а Гоголь (Дон Кихот, Гамлет, а после Гоголя – Л. Толстой) – нет.

Особенность «Русского Нила» и других путевых очерков (пусть и не столь знаменательно озаглавленных) в том, что путешествие происходит не только в пространстве, но и во времени. Но еще более значимо то, что Розанов остро мыслит и на абсолютном уровне, для которого характерен вопрос как таковой, не имеющий отношения ни к чему конкретному, но предполагающий в пределе – всех и каждо-

го. Поистине, талантливейший писатель и незаурядный религиозный философ, В.В. Розанов «жил в большом историческом времени, в мире больших идей и вековых “проклятых вопросов” бытия» [4, с. 142]. Может быть, именно поэтому так притягательна его очерковая проза и для современного читателя, способного думать и сопереживать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее при ссылке на это издание в круглых скобках будут указаны номера страниц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В.В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. В 2 кн. Кн. 1 / сост. В. А. Фатеев. – СПб. : РХГИ, 1995. – 512 с.
2. Гиппиус, З. Н. Задумчивый странник (О Розанове) / З. Н. Гиппиус // Живые лица : воспоминания : в 2 кн. – Тбилиси : Мерани, 1991. – Кн. 2. – 383 с.
3. Николокин, А. Н. Розанов / А. Н. Николокин. – М. : Мол. гвардия. – 2001. – 511 с.
4. Носов, С. Н. В.В. Розанов. Эстетика свободы / С. Н. Носов. – СПб. : Logos ; Дюссельдорф : Голубой всадник, 1993. – 208 с.
5. Палиевский, П. Василий Васильевич Розанов / П. Палиевский // Литературная газета. – 1989. – № 26. – С. 5.
6. Розанов, В. В. Сочинения : Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков, 1899–1913 гг. / В. В. Розанов ; сост., коммент. и ред. В. Г. Сукача. – М. : Танаис, 1994. – 735 с.
7. Струве, П. Б. В. Розанов, большой писатель с органическим пороком / П. Б. Струве // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 79–85.

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL RANGE OF PROBLEMS OF ROZANOV'S TRAVEL NOTES

N.N. Nartyev

Rozanov's travel notes are considered through the prism of the writer's religious and philosophical searching. The author of the article emphasizes the ability of Rozanov as an essayist to catch and interpret the essence, objective reality in the dynamic picture of life.

Key words: *travel note, individuality, religiousness, dualism, metaphysics.*